

«ТОЛПА» В ИСТОРИИ: 1730-1848

Из книги «Народные низы в истории»

М., 1984. С.107-144

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. Политический бунт

Мы видели, что благодаря парламентам парижский простой люд получил первые политические уроки, в результате чего городские волнения, в отличие от деревенских, имели тенденцию превратиться в политические демонстрации. Это особенно относится к последним двум годам существования старого порядка, когда Парижский парламент, занятый последними спорами с министрами Людовика XVI, по возвращении в столицу из изгнания был восторженно и шумно встречен на острове Ситэ. Это было только начало. Толпы, собравшиеся, чтобы приветствовать парламент, состояли из студентов, клерков адвокатских контор и поденщиков из ряда различных округов. Полученные уроки все еще были элементарными и крайне поверхностными. Главное, они коснулись лишь населения города и не вызвали никакого отклика в деревне среди крестьян. Все изменилось с началом и в ходе революции. Бросив вызов «привилегированным» сословиям (включая парламенты), требуя контроля над Генеральными штатами 1789 г., буржуазия, или третье сословие, обращалась ко всей нации. Ее идеи и лозунги были подхвачены как деревенским, так и городским населением. Под влиянием этого продовольственный бунт в деревне и происходившие от случая к случаю политические демонстрации в городе превратились в великие народные жакерии, или события лета и осени 1789 г. Эти ранние «стихийные» выступления в свою очередь начали перерастать в более сложные политические движения городских санкюлотов. Они отражали интенсивность борьбы партий, накопление политического опыта и рост сознательности самих санкюлотов. Это был длительный процесс, и мы не пытаемся здесь подробно рассмотреть его¹. Наша задача в том, чтобы иллюстрировать переход бунта одного типа в бунт другого типа и указать главные этапы, на которых возникали и принимали определенную форму политические события*, наиболее характерные из всех форм участия народа в революции.

Парижский парламент, впервые бросивший вызов правительству во время «аристократического мятежа 1787 г.», быстро одержал победу и, проведя неделю или две в изгнании, получил разрешение возвратиться в Париж. Вернувшихся магистратов встречали шумными приветствиями на острове Ситэ, на площади Дофина, на улице Арле и вблизи зданий судов. Власти ожидали беспорядков, и суды были окружены 500 солдатами парижской полиции, которых поддерживали полки французской гвардии. Толпы, состоявшие из писцов Дворца правосудия, подмастерьев и поденщиков, занятых в мастерских Ситэ производством предметов роскоши, заполнили Новый мост и прилегающие улицы; они пускали шутихи и фейерверки и бросали в войска камни. 28 сентября, когда беспорядки усилились, войска открыли огонь. Потерь не было, только шальной пулей пробило одежду проходившего мимо адвоката. Четверо молодых людей были арестованы. Беспорядки длились неделю, в течение которой перед зданием суда жгли костры, распространяли антироялистские листовки и сжигали изображения бывшего генерального контролера финансов Калонна и гувернантки королевских детей графини де Полиньяк. 3 октября парламент сам положил конец беспорядкам, запретив собираться и жечь костры поблизости от здания суда. Эти события имели ограниченный и местный характер. Их основные участники - клерки адвокатских контор и поденщики Ситэ; предместья и рынки еще не были затронуты волнениями.

В следующие месяцы кризис углубился как из-за обострения политического напряжения, так и из-за повышения цен на хлеб. 15 мая популярность парламента увеличилась, когда он осудил ненавистные приказы об аресте (при помощи которых противников правительства заключали в тюрьму без суда) и всю систему правительственного произвола. Правительство ответило тем, что окружило здание суда войсками. По эдикту, составленному хранителем печати Ламуаньоном, большая часть юрисдикции парламента была передана другим судам, а непокорные магистраты были вновь изгнаны в провинции. Но поддержка, которую оказывали парламентам - в Париже и в других городах, - была так сильна, что министры были вынуждены смириться перед угрозой бури.

Премьер-министра Бриенна сняли с поста и заменили Неккером. Было обещано созвать в следующем году Генеральные штаты. Эдикт Ламуаньона был отменен, и вскоре после этого Парижский парламент был возвращен в столицу. Победа была отмечена празднествами в Ситэ: жгли большое число костров и шутих, а лиц, проезжавших в экипажах по Новому мосту, заставляли низко кланяться статуе Генриха IV, самого популярного французского короля, и кричать: «Долой Ламуаньона!», «Слава Генриху IV!»

На этот раз беспорядки приобрели новый и более серьезный характер: за три недели цена четырехфунтовой ковриги хлеба поднялась с 9 до 11 су, и в конце августа к клеркам из Дворца правосудия присоединился простой народ из предместий и рынков. Бунты стали более ожесточенными и охватили другие округа города; сторожевые будки по обе стороны Нового моста, связывающего Ситэ с городом, были разгромлены и сожжены дотла. Гвардии был отдан приказ применить силу; на северном берегу реки, на Гревской площади, 600 демонстрантов были обстреляны войсками, 7 или 8 человек были убиты, остальные обратились в бегство. Через две недели начались новые торжества в Ситэ и новые кровавые стычки между войсками и поденщиками и студентами. Они возникали в отдаленных районах - на улице Сен-Мартен на севере и в университетском квартале на юге. Было арестовано более 50 человек, но толпа одержала победу: и непопулярный Ламуаньон, и командующий парижской гвардией Дюбуа были уволены со своих постов еще до окончания волнений².

Таким образом, Парижский парламент добился успеха в борьбе с правительством. Он использовал энергию значительной части столичных санкюлотов и при их поддержке достиг немалых побед. По и этот союз, и эти успехи оказались кратковременными. Еще до окончания волнений парламент вызвал к себе враждебное отношение значительной части тех, кто его поддерживал, тем, что требовал сохранить состав Генеральных штатов таким же, каким он был 175 лет назад, то есть чтобы каждое сословие собиралось отдельно и имело равное представительство. Тогда третье сословие всегда должно было бы подчиняться голосам двух «привилегированных» сословий [духовенства и дворянства. - *Ред.*], которые задавали тон. Третье сословие, видя эту опасность, ответило войной памфлетов, которая в поразительно короткий срок полностью изменила положение парламента и обеспечила поддержку всей нацией целей третьего сословия - а именно его двойного представительства (вскоре правительство само согласилось на это требование) и слияния отдельных заседаний всех трех сословий в одно общее собрание. Большие надежды, возникшие даже в деревне в связи с перспективой созыва Генеральных штатов в таком составе, иллюстрирует встреча Артура Юнга** с одной крестьянкой из Шампани, которая сказала ему: «Говорят, будто что-то должно быть сделано какими-то важными людьми для бедняков [она не знала кем и как], но бог пошлет нам лучшие времена, ведь нас душат талья и всякие повинности»³.

Запись этого разговора в дневнике Юнга относится к 12 июля; но еще задолго до этого боевой лозунг третьего сословия, вызов, брошенный народом привилегиям, начал распространяться среди масс в Париже. Самый ранний пример этого я нашел в полицейских донесениях от начала апреля⁴. Две или три недели спустя этот лозунг был провозглашен во время народного бунта. Но тогда простой народ бунтовал главным образом ради достижения собственных целей и еще не проникся полностью целями буржуазных политиков третьего сословия. Такой была, например, кровавая стычка в Сент-Антуанском предместье, вскоре получившем известность как самое революционное из всех парижских предместий; она произошла в конце апреля, за неделю до открытия в Версале долгожданных Генеральных штатов. 23 апреля два владельца мануфактур, Ревейон и Анрио, оба видные члены местного третьего сословия, выразили каждый в своем собрании избирателей сожаление по поводу высокой заработной платы в промышленности. Неизвестно, выступали ли они за снижение заработной платы (о них отзывались как о хороших хозяевах), но их слова, сказанные в тот момент, когда цена хлеба была особенно высокой^{***}, вызвали сильнейшие волнения. 500 или 600 рабочих собрались около Бастилии и с чучелами Ревейона (самого главного виновника) и второй намеченной ими жертвы двинулись по улицам столицы. К ним присоединились рабочие доков, мануфактур и мастерских; в результате около 2 тыс. человек пришли на Гревскую площадь к зданию ратуши. Обнаружив, что дом Ревейона оцеплен королевским хорватским полком, они напали на дом Анрио и, подобно участникам Гордонова мятежа в Англии, уничтожили мебель и личные вещи Анрио. Разогнанные войсками, на следующее утро они появились вновь; пока не прибыли войска, группы рабочих ходили по улицам, вербуя новых сторонников путем запугивания либо убеждения. Между шестью и восемью часами вечера наступил самый острый момент, когда толпа штурмовала дом Ревейопа. Гвардия королевских хорватов была оттеснена, а разрушения, произведенные накануне, повторились в еще большем масштабе. Командующий французской гвардией герцог дю Шатле отдал приказ открыть огонь, и на узких и тесных улицах началась бойня. Тысячи людей облепили крыши и окна, в то время как толпа сражалась с криками «Свобода! Мы не сдадимся!». Некоторые кричали: «Да здравствует третье сословие!», «Да здравствуют король и Неккер!» Таким образом, новые «патриотические» лозунги дня, странно не соответствовавшие поведению бунтующих, были уже усвоены простым народом Парижа и в случае надобности могли быть использованы в его

интересах⁵.

Итак, действия парижских санкюлотов пока еще не находились в полном соответствии с действиями революционной буржуазии. Несомненно, последняя надеялась осуществить свои планы, не прибегая к рискованному средству призвать на помощь массы. Однако ее надежда не оправдалась из-за упорного отказа аристократии пойти на уступки, а также из-за колебаний короля. Под нажимом королевы и своего младшего брата, графа д'Артуа, король решил вызвать войска, распустить только что сформированное Национальное собрание, внушить страх Парижу и заменить Неккера, проводившего слишком мягкую политику по отношению к делу «патриотов», Бретейем, ставленником Марии-Антуанетты. Известие об отставке Неккера, полученное в полдень 12 июля, послужило сигналом к народной революции в столице. Толпы, собравшиеся в садах Пале-Рояля, резиденции популярного герцога Орлеанского, слушали Камилла Демулена и других ораторов, призывавших взяться за оружие. Образовались группы, двинувшиеся по бульварам с бюстами героев момента, Неккера и герцога Орлеанского. Театры в знак траура были закрыты. Командир парижского гарнизона Безанваль отступил на Марсово поле и оставил столицу в руках народа. Прежде всего следовало уничтожить ненавистные заставы (или окружавшие город таможенные посты), па которых взимали пошлины на съестные припасы и вино, что сильно било по карману мелких потребителей. За четыре дня восстания, руководимого из Пале-Рояля, от 40 до 54 постов были методически разрушены. Толпа ворвалась в монастырь братства Сен-Лазар, разграбила его, искала в нем оружие и зерно и освободила находившихся там заключенных. В поисках мушкетов, сабель и пистолетов были совершены нападения на другие церковные здания и оружейные мастерские. По рассказам очевидца, работавшего у торговца сальными свечами⁶, по улицам всю ночь ходили толпы штатских и недовольных властями военных. Они выкрикивали только что выученные «патриотические» лозунги, били в набат и искали зерно и оружие. Между тем парижские выборщики от третьего сословия, которые образовали в ратуше временное муниципальное правительство, сильно встревоженные оборотом дела, начали вербовку в гражданскую милицию или национальную гвардию в целях охраны столицы как от мятежных бедняков, так и от угрозы из [резиденции короля] Версаля.

Итак, поиски оружия и военного снаряжения продолжались. Именно поиски оружия гораздо больше, чем освобождение заключенных и даже чем сведение старых счетов с ненавистным символом прошлого, побудили парижан 14 июля штурмовать древнюю крепость Бастилию. У восставших не хватало оружия, а было известно, что его запасы были недавно доставлены в Бастилию из арсенала. Кроме того, носились упорные слухи о готовящемся нападении из Версаля, в то время как пушки Бастилии были грозно направлены на густо населенные дома квартала Сент-Антуан. И вот, после того как из Дома инвалидов, на другой стороне реки, взяли 30 тыс. мушкетов, раздался крик «На Бастилию!». Осаду, или, скорее, переговоры с комендантом Бастилии маркизом Делонэ вел, неумело и неуверенно, Комитет выборщиков, собравшийся в ратуше; однако инициатива взять крепость штурмом, когда мирные переговоры оказались безрезультатными, принадлежала не комитету, а вооруженным горожанам, толпившимся под ее стенами. Из пушек Бастилии уже было убито и ранено 150 человек, когда бывший сержант Юлен двинулся во главе двух отрядов французской гвардии, только что примкнувшей к восстанию, к главным воротам и, поддержанный несколькими сотнями вооруженных горожан, приготовился к прямому штурму. Делонэ под давлением своего гарнизона приказал опустить главный подъемный мост, и падение Бастилии стало кульминационным пунктом первого великого народного акта революции.

Взятие Бастилии, отнюдь не явившееся боевым подвигом большой важности, имело огромные политические результаты. Национальное собрание было спасено и получило признание короля. В столице власть перешла к Комитету выборщиков, составившему Городской совет (Коммуну), который возглавил в качестве мэра Байи. 17 июля король лично прибыл в Париж в сопровождении 50 депутатов и был вынужден надеть красно-бело-синюю кокарду революции. Большая часть всего совершившегося была результатом действий парижских масс, среди которых главную роль играли санкюлоты. Однако революция еще не была вне опасности, и июльские завоевания пришлось отстаивать в октябре. Пока двор и король оставались в Версале и активное меньшинство депутатов в союзе с двором могло сорвать конституционную программу Собрания (а эта его способность стала более чем очевидной в августе и сентябре), действительная власть все еще оставалась разделенной между старым третьим сословием и его союзниками из либеральной аристократии и сторонниками старого порядка. Уступая давлению остатков старой придворной партии, король попытался выйти из тупика, вновь применив силу и вызвав в Версаль войска, на этот раз Фландрский полк. На устроенном в его честь банкете национальную кокарду топтали ногами (по крайней мере так передавали в Париже). Чтобы отомстить за это оскорбление, парижские «патриоты» призвали к походу на Версаль либо для предъявления ультиматума, либо для того, чтобы перевезти королевскую семью в Париж. Тем временем возник новый кризис в снабжении хлебом, и 5 октября продовольственный бунт разъяренных рыночных торговцев

превратился в великий женский поход, поддержанный батальонами национальной гвардии и с триумфом возвративший в Париж короля, за которым вскоре последовало и Национальное собрание. Так вторично в течение нескольких недель парижский простой люд пришел на помощь Национальному собранию и спас революцию⁷.

1789 год был не только годом городских бунтов и революций. В деревне также происходили волнения. И здесь тоже бунты изменили свою форму. После хлебных бунтов 1775 г. деревня оставалась относительно спокойной. Разумеется, как обычно, произошло несколько хлебных бунтов: в Тулузе и Гренобле в 1778 г., в Байё в 1784 г. и в Ренне в 1785 г.; но это были отдельные и спорадические случаи. До зимы 1788-1789 гг. в деревне не существовало всеобщего движения протеста. Затем оно возникло в ответ на двойной кризис. С одной стороны, в 1787 и 1788 гг. был сильный недород, вызвавший скачок цен вверх во всех главных зерновых районах. С другой стороны, под давлением «аристократического мятежа» правительство призвало провинциальные штаты собраться и готовилось созвать выборщиков (подавляющее большинство которых составляли крестьяне), чтобы они составили свои указы во всех районах Франции. Реакция крестьян прежде всего приняла традиционную форму возмущения против недостатка продовольствия и роста цен. Начавшись в декабре 1782 г., оно выразилось в нападениях на баржи с зерном и на зернохранилища, па сборщиков таможенных пошлин, купцов и зажиточных сельских холлов; в волнениях у ратуш, булочных и на рынках; в народной таксации хлеба и пшеницы и в широко распространившемся уничтожении собственности. Сообщения о таких действиях поступали почти из всех провинций: в декабре и январе - из Бретани и Турени; в марте и апреле - из Бургундии и Иль-де-Франса, Лангедока, Нивернэ, Орлеанэ, Пикардии, Пуату, Прованса и Турени; в июле - из Нормандии и Шампани. К северу от Парижа борьба с голодом превратилась в движение против законов об охране дичи и праве охоты дворянства, впервые за много лет. В поместьях принца де Конти в Понтуазе и Бомоне (в местах бунтов 1775 г.) в Конфлане, Сент-Онорине и в других деревнях крестьяне ставили капканы для кроликов****, которые наводняли их поля, что приводило к столкновениям с деревенской полицией. В Артуа крестьяне нескольких деревень объединились, чтобы уничтожить дичь, принадлежавшую графу Уази, и отказались платить ему обычные повинности. К югу и западу от Парижа, около Фонтенбло и Сен-Жермена, у жителей целых приходов было отобрано оружие в связи с тем, что их подозревали в браконьерстве в королевских лесах. В Лотарингии и Эно безземельные крестьяне и мелкие землевладельцы присоединились к силам, выступавшим против расчищения лесных зарослей и огораживания полей. Тем временем почти в течение века копившееся озлобление крестьян против королевских налогов и сеньориальных повинностей прорвалось в марте в Провансе, в апреле - в Гане и в мае - в Камбрези и Пикардии⁸.

Под влиянием экономического кризиса и политических событий формы крестьянского движения менялись, от прежних протестов против высоких цен оно перерастало в возмущение против огораживаний, дворянских привилегий охоты и королевских заповедных лесов и превращалось в прямую атаку на феодальные земельные порядки. Это не было чисто стихийным развитием. Отчасти это движение выросло из странного явления, известного как «великий страх» и относившегося к концу лета 1789 г. Истоками «великого страха» служило бродяжничество сельских жителей, порожденное экономическим кризисом; разброд в королевских войсках после победы народа в Париже и глубоко укоренившаяся уверенность крестьян, разделяемая многими горожанами, в существовании «аристократического заговора». Росло убеждение, что «разбойники», независимо от того, были ли они деревенскими бедняками или убежавшими солдатами, вооружались с целью опустошения деревни и уничтожения крестьянской собственности. Так же как во время волнений 1775 г., такие слухи распространялись на рынках, и в июле-августе волнения охватили деревни во всех провинциях, кроме Бретани на севере и Эльзаса и Лотарингии на востоке. Вооруженные крестьяне ждали «разбойников». Но последние - плод паники и возбужденного воображения - так и не появились, и крестьяне многих районов, обманувшись в своих ожиданиях, направили оружие против феодальных поместий. В замках не только жили сеньоры (большой частью оставшиеся невредимыми), но и хранились манориальные документы, где были записаны феодальные ренты и повинности, причем многие из них были недавно придуманы или восстановлены; они ложились тяжким бременем на мелких собственников. Крестьяне, озлобленные вековыми притеснениями сеньоров, ответили на призыв третьего сословия тем, что устроили свою собственную революцию. Они сжигали замки во всех районах Франции, и их движение быстро дало результаты. Национальное собрание 4 и 5 августа издало декреты, отменявшие или обязывавшие выкупать все сеньориальные повинности, касавшиеся обработки земли. Там, где эти повинности были заменены денежными платежами, крестьяне отказывались платить. Спустя три года якобинское правительство признало совершившийся факт и аннулировало крестьянский долг⁹.

Крестьянская революция не затухала в деревне в течение всех революционных лет. Но обычно она сводилась к продовольственным бунтам или к уничтожению изгородей и так и не приобрела прежнего размаха и силы. В Париже, как и в других городах, положение было совсем иное. Крупные выступления в 1789 г., хотя и имевшие большие последствия, явились лишь началом. Ознакомление санкюлотов с новыми политическими идеями революции только началось. Стали создаваться клубы и «братские» общества, которые после 1790 г. открыли свои двери наемным рабочим и ремесленникам. Таким путем идеи демократов и позднее республиканцев распространялись среди простого люда из предместий и на рынках. Одним из первых результатов ознакомления народа с политическими идеями было многолюдное собрание и подписание петиции на Марсовом поле в июле 1791 г., требовавшей отречения короля после его злополучного бегства в Варенн и учреждения новой «исполнительной власти». Среди многих тысяч подписей большинство составляли подписи санкюлотов; и нам известно из других источников, что многие из них превосходно понимали, о чем говорилось в петиции. Санкюлоты составляли также большую часть участников демонстрации, собравшихся от каждого района столицы. Во время этой демонстрации 50 человек были убиты и 12 ранены национальной гвардией Лафайета.

Это «побоище», как и война, начавшаяся девять месяцев спустя, углубили разногласия среди «патриотов»; и санкюлоты, допущенные в июле 1792 г. на собрания секций, все более подпадали под влияние якобинцев. Именно они составили план и руководили вооруженным нападением на Тюильри в августе 1792 г., покончившим с монархией и приведшим к провозглашению республики. Это было осуществлено регулярными батальонами национальной гвардии, состоявшими главным образом из парижских лавочников, ремесленников и поденщиков. Те же силы якобинцы использовали в июне 1793 г., на этот раз руководимые генералом-санкюлотом Анрио, чтобы исключить своих противников-жирондистов из Национального конвента¹⁰. В результате постепенного усвоения политических идей и приобретения опыта благодаря посещению собраний секций, обществ и комитетов, службе в национальной гвардии и в революционной армии, сформированной для обеспечения снабжения города продовольствием¹¹, среди санкюлотов появлялись обученные бойцы и вожаки. Они отнюдь не были послушными агентами якобинцев или какой-либо другой партии. У них были свои собственные социальные стремления, взгляды, свои клубы и лозунги и свои собственные идеи о том, как надо управлять страной¹². Поскольку дело обстояло именно так, политический бунт, если к нему вновь следовало прибегнуть, неизбежно должен был изменить форму.

Этот процесс достиг наибольшей силы во время крупного народного восстания в прериале III года (20-23 мая 1795 г.). В это время санкюлоты, разъединенные внутренними разногласиями и недовольные политикой якобинского правительства, не оказали решительного сопротивления свержению Робеспьера в июле 1794 г. Но последовавшая затем инфляция, сопровождавшаяся закрытием еще оставшихся революционных клубов и преследованием бывших «террористов» и «патриотов», постепенно заставила их начать действовать. Первая стычка произошла 12 жерминаля (1 апреля 1795 г.), когда здание Национального конвента заполнила толпа разгневанных мужчин и женщин, требовавших хлеба и прикрепивших к своим головным уборам лозунг восставших «Хлеб и конституция 1793 г.!»^{****}. Эта толпа, получив словесную поддержку от немногих еще оставшихся в Собрании якобинских депутатов, вскоре была изгнана отрядами национальной гвардии, и движение временно затихло.

Но продовольственное положение продолжало ухудшаться, и недовольство людей на улицах и рынках, а также среди активистов в секциях становилось все более явным. 1 прериала (20 мая) произошел новый взрыв, имевший гораздо более острый и опасный характер. На этот раз, так же как в октябре 1789 г., движением руководили женщины, побуждавшие мужчин к действию. Как и в октябре, все началось с волнений у булочных, закончившихся походом к зданию Собрания. Это были одновременно военная и политическая демонстрации, достигшие большей политической зрелости, чем выступление в 1789 г. В октябре женщины по дороге в Версаль пели: «Заберем булочника, его жену и его сынишку!» Таким образом, тогда политическая направленность, хотя и явная, если судить по ее результатам, не была ясно выражена. В мае же 1795 г. люди несли прикрепленные к шляпам и к блузам политические лозунги и ставили перед собой вполне определенные политические цели - освобождение политических заключенных, восстановление в Париже Коммуны, упраздненной после падения Робеспьера, введение в действие конституции 1793 г. и восстановление контроля над ценами и продовольственным снабжением. В отличие от участников событий 1789-1793 гг. они не получали от революционных вождей или каких-либо групп извне распоряжений выступать. Они действовали по собственному побуждению под своими собственными знаменами и лозунгами. Это была фактически первая и последняя политическая демонстрация, устроенная и проведенная самими санкюлотами.

Однако они потерпели полное и позорное поражение и подверглись суровым репрессиям. Так же как и в апреле, их выгнали из здания Собрании; но они перегруппировали свои силы в центре восстания - Сент-Антуанском предместье и на следующий день после полудня двинулись в Конвент, имея поддержку 20 тыс. национальных гвардейцев. Однако впервые за всю революцию против них была брошена верная правительству регулярная армия. Во избежание бойни обе стороны согласились вступить в переговоры. Успокоенные лживым обещанием, восставшие разошлись по своим секциям. На следующий день Сент-Антуанское предместье было окружено войсками, а на четвертый день восстания его участники сдались, не сделав ни одного выстрела. За поражением последовали репрессии и проскрипции. Военный суд приговорил 36 повстанцев к казни, 37 - к тюремному заключению или ссылке, около 1200 предполагаемых «террористов» (не все они являлись участниками восстания) были арестованы, а 1700 - разоружены в течение недели; позднее также поступили и со многими другими¹³.

Так сразу прекратилось обезглавленное движение санкюлотов. Подобно цветку кактуса, погибающему в самом расцвете, оно так никогда и не возродилось. Последнее восстание произошло в октябре, но на этот раз санкюлоты были лишь пассивными наблюдателями, а участвовали в нем гражданские служащие, адвокаты, клерки, лавочники и армейские офицеры из роялистских или близких к роялизму секций¹⁴.

После этого армия, призванная Конвентом, оставалась наготове, и на протяжении 35 лет не происходило ни выступлений революционных толп, ни бунтов.

Ссылки на источники

1. См. мою работу «The Crowd in the French Revolution» (Oxford, 1959).
2. Ibid., p. 28-33.
3. *Young Arthur. Travels in France and Italy* (Everyman Library, London, 1915), p.1159.
4. Archives Nationales, Y 187612 (April 12, 1789).
5. См. «The Crowd in the French Revolution», p.34-44.
6. Archives Nationales, Z² 4691.
7. Об этих двух эпизодах см.: «The Crowd in the French Revolution», p.47-79.
8. См. мою статью: «The Outbreak of the French Revolution», *Past and Present*, November, 1955, p.28-42.
9. *Lefebvre G. The Great Fear of 1789* (London, 1973), and «La Revolution Francaise et les paysans», в: *Etudes sur la Revolution francaise* (Paris, 1954), p.246-268.
10. См.: «The Crowd in the French Revolution», p.80-94, 101- 108, 121-126.
11. *Cobb R. C. Les armees revolutionnaires* (2 vols. Paris and The Hague, 1961-1963).
12. *Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры*. М., 1966.
13. О событиях жерминаля-прериала см.: *Tonnesson K. La defaite des sans-culottes* (Oslo and Paris, 1959).
14. См.: «The Crowd in the French Revolution», p.100-177.

Примечания переводчика

* Наиболее важными из этих революционных событий были: в 1789 г. ночной бунт (28-29 апреля), революция в Париже и взятие Бастилии (12-14 июля), поход на Версаль (5-6 октября); в 1791 г. поход на Венсенн (28 февраля), демонстрация на Марсовом поле и петиция (17 июля); в 1792 г. захват Тюильри (20 июня), свержение монархии (10 августа), сентябрьские избиения (2-4 сентября) ; в 1793 г. исключение депутатов-жирондистов (31 мая - 2 июня), восстание 4-5 сентября; в 1794 г. падение Робеспьера (9 термидора - 27 июля); в 1795 г. народные восстания в жерминале (1 апреля) и 1-4 прериала (20-23 мая), роялистский мятеж 13 вандемьера (5 октября).

** Английский экономист и агроном, путешествовавший в это время по Франции. - *Прим. ред.*

*** Цена четырехфунтовой ковриги хлеба с февраля равнялась 14,5 су.

**** Содержание «кроличьих садков» - одна из дворянских привилегий.

***** Это была демократическая конституция, которую ее авторы-якобинцы «временно» отложили, а их преемники отменили в сентябре 1795 г.

2. Продовольственный бунт

Одной из крупнейших задач Французской революции было снабжение населения дешевыми съестными припасами. Как и на протяжении всего XVIII в., это постоянно заботило мелких потребителей города и деревни, многие из которых, как видно из предыдущей главы, играли значительную роль в политических восстаниях и демонстрациях. Поэтому неудивительно, что с событиями явно политического характера так часто была связана продовольственная проблема. Мы видели, что в сентябре 1788г., когда парижане праздновали вторичное возвращение парламента, резкое повышение цен на хлеб изменило характер и масштаб волнений. В апреле следующего года бунты в предместье Сент-Антуан, спровоцированные Ревейоном, в равной мере были вызваны и высокими ценами на хлеб, и наступлением владельцев мануфактур на заработную плату. Действительно, были разгромлены одни лишь продовольственные лавки, и даже лейтенант полиции полагал, что у восставших была двоякая цель - свести счеты с Ревейоном и заставить власти снизить цену на хлеб. Продовольственная проблема также сыграла свою роль в событиях, приведших к взятию Бастилии. Среди напавших в ночь на 12 июля на монастырь Сен-Лазар некоторые говорили, что они «ищут хлеб»; а у застав слышали, как какой-то слесарь, разрушая таможенный пост, сказал: «Мы будем пить вино ценой в три су за литр».

В октябре эта проблема стала еще более очевидной. Хлебные бунты у булочных и ратуши вылились в поход женщин в Версаль; и Барнав, один из самых наблюдательных людей среди революционных лидеров, сообщая своим избирателям об этом событии, подчеркнул двойственный характер этих бунтов. Он писал, что буржуазия и «народ» выступали за общее дело; но в то время как первая действовала исключительно с целью расстроить заговоры аристократии, второй в равной мере был заинтересован в цене хлеба. Это же можно было наблюдать и во время последних народных волнений 1795 г., когда восставшие прикалывали к своим шляпам девиз: «Хлеб и конституция 1793 г.» Фактически из всех крупных революционных событий, разыгравшихся в столице, только в одном цена на продовольствие или снабжение им не играли никакой роли; это была демонстрация 17 июля 1791 г., когда парижане собрались на Марсовом поле, чтобы подписать петицию, требовавшую отречения короля¹.

Итак, если продовольственный бунт скрытно присутствовал в столь многих политических демонстрациях, то не приходится удивляться, что при случае он вспыхивал открыто. Это могло случиться по тем же причинам, что и до революции, когда не хватало запасов продовольствия и цены были необычно высокими. По отмеченным уже нами причинам, именно так произошло в 1789 г. Мы наблюдали увеличение числа продовольственных бунтов, о которых сообщалось из разных районов страны еще до того, как крестьяне в конце июля сосредоточили свое внимание на замках и сеньориальных архивах. Не остались в стороне и провинциальные города, и мы знаем о продовольственных бунтах, часто сопровождавшихся установлением народного контроля над ценами в таких далеко отстоящих один от другого городах, как Амьен, Бордо, Кан, Шартр, Гренобль, Марсель, Орлеан, Нант и Реймс². В Париже, где за дорогую покупку хлеба в 1789 г. уходила значительная и все возрастающая часть заработка рабочего и ремесленника³, происходило бы то же самое, если бы народный гнев так часто не направлялся в русло политики. Ярким примером тому был октябрь 1789

Революционные власти ликвидировали в ноябре 1789 г. хлебный кризис, унаследованный от старого порядка, и следующие полтора года были периодом сравнительного социального спокойствия. Но это был скорее результат везения, нежели продуманных действий, поскольку республиканские власти не имели разработанных мер для решения подобных проблем, и последние неизбежно должны были возникнуть вновь. Это объяснялось отчасти плохими урожаями, отчасти обесцениением бумажных денег (ассигнатов) и (еще более) - после апреля 1792 г. - безудержной инфляцией военного времени, которую была бессильна остановить господствующая доктрина экономической свободы. Сочетание этих факторов вызвало в 1792 г. новые большие нехватки продовольствия и новую большую волну бунтов. В августе 1791 г. в результате недостатка муки в Париже произошло быстрое повышение цены на хлеб, а в ноябре в нескольких зерновых районах на севере и на западе начались волнения, приведшие к прекращению вывоза зерна в другие части страны. Поскольку особенно резко цены повысились на пшеницу (в Париже немногим более чем на 25%, а в провинциях - в среднем на 40%), бунты вспыхнули по всей стране. По размаху и интенсивности их можно сравнить с бунтами 1789 г.⁴

Нигде эти волнения не достигли такого размаха и распространения, как на обширной хлебной равнине Бос, которая с Шартром, расположенным в ее центральной части, лежит между Сенной и Луарой⁵. Причиной беды был не столько плохой урожай, сколько пустота на рынках, образовавшаяся в результате действий крупных производителей, припрятававших зерно, либо продававших его непосредственно парижским торговцам, которые в свою очередь снабжали

тяжело пострадавшие южные районы либо накапливали запасы в ожидании более высоких цен. Движение началось среди бедняков лесорубов, гвоздильщиков и кузнецов, работавших в лесах кантонов Конш и Бретей в долине реки Эр. Оно росло как снежный ком, начатое несколькими гвоздильщиками в Бо-де-Бретей, к которым па их пути к расположенному по соседству рынку Лир присоединялось все местное население, причем мэр, хотя и предупрежденный о происходящем, ничего не сделал, чтобы их остановить. Покинув Лир, где к гвоздильщикам присоединились еще 400 человек, они отправились на рынок в Ла-Бар, а в последующие дни - в Небур, Конш, Верней, Бретей и Рюль, на все рынки, расположенные невдалеке от леса. Они шли колонной в полном порядке, с развевающимися флагами под барабанную дробь и собирали по пути подкрепления. Имеются сведения, что в Небуре в шествии будто бы участвовало население двадцати пяти приходо́в. Местная национальная гвардия, часто сама состоявшая из крестьян-бедняков, не делала никаких попыток их остановить. В Конше гвардия и муниципальные чиновники вышли к ним навстречу и с готовностью установили потолок цен на пшеницу и овес. То же самое произошло в Бретей и на других рынках; теперь первоначальная группа выступивших удвоилась, и вскоре установление цен не ограничивалось хлебом и зерном; оно было распространено па яйца и масло и даже на дрова, уголь и железо, ибо многие из этих сельских жителей были и деревенскими ремесленниками. В начале марта не менее 5 тыс. человек в одном случае и 8 тыс. в другом явились в кузницы Бодуэна и Луша, чтобы заставить хозяев продавать железо по пониженной цене. Сообщая об этом, власти главного города района Эврё отметили, что предъявление требования таких мер не могло быть придумано этим «множеством грубых и невежественных людей», и было ясно, что ими руководила «невидимая рука». Бунтовщики, как сообщали власти, навязав контроль цен на продовольствие, добивались уменьшения арендной платы в деревне и отмены налогов. «Они везде призывали к анархии и гражданской войне». Но движение, даже если оно преследовало более широкие социальные цели, охватило исключительно лесные округа вокруг Конша и Бретей. И именно тогда, когда движение могло распространиться на север к Эврё, на десять или пятнадцать миль дальше, оно начало терять поддержку и было легко подавлено жандармерией и милицией. К середине марта оно окончательно прекратилось, и 63 его участника ждали суда в тюрьме Эврё.

Тем временем другой центр волнений возник на юге, в соседнем департаменте Эр-и-Луара. Начавшись в феврале близ Шартра в Ла-Луле и Шатонёфе, бунты распространились в соседние округа и города с рынками и достигли в восточном направлении департамента Сена-и-Уаза. 8 марта власти Шартра уведомили Национальное собрание, что «враги закона и порядка появились на рынках, в Ментеноне и Эперноне и готовятся создать беспорядки на рынках в Шатонёфе, Брезоле, Ла-Луле, Сенонше и Ножан-ле-Руа».

Переходившие с места на место группы вновь призывали сельских жителей к действиям, звоня в церковные колокола, и устанавливали контроль над рыночными ценами; однако на этот раз они являлись на фермы и для того, чтобы проверить запасы фермеров, и иногда даже заставляли их повышать жалованье своим работникам. Вскоре волнения начались в городах с рынками департамента Сена-и-Уаза, многие из которых снабжали Париж и были ареной бунтов 1775 г.: Дурдане (19 февраля и вновь 3, 10 и 24 марта), Лимуре, Моитлсри, Этампе, Сент-Арно и Рамбуйе. Первая попытка достичь Версаля из Лимура оказалась безуспешной. 4 марта мэр Этампа Симоно (богатый дубильщик в округе) вызвал войска, чтобы остановить вторжение, и был убит на рынке. Неделю спустя в большом городе с рынком, Мелене, расположенном по другую сторону границы департамента Сена-и-Марна, собралось 10 тыс. вооруженных вилами сельских жителей со знаменами и барабанами. Жители города тоже вооружились, но по достигнутому соглашению обе стороны сложила оружие, и цена одного сетье пшеницы была снижена с 30 до 20 франков. Хотя первое сильное движение па равнине Бос пошло в апреле на убыль, подспудно оно продолжалось до осени. Затем движение распространилось на Версаль; произошли вспышки в Дурдапе и Лимуре; и, подобно Этампу, Орлеан стал ареной кровавого столкновения, во время которого один торговец был растерзан, а несколько участников бунта застрелены. После этого Национальное собрание без особого энтузиазма частично восстановило правила, существовавшие при старом порядке; но оно ничего не сделало, чтобы снабдить рынки в Босе. И в ноябре возникло новое, более широкое движение, охватившее в течение трех, недель восемь департаментов. На этот раз движение началось к востоку от Ле-Мана, в сельском департаменте Сарта, в лесистой местности вокруг Вибрэ и Монмирай. Первоначальное руководство вновь взяли на себя лесорубы, деревенские ремесленники и рабочие стекольной мануфактуры Ле-Плеси-Дорен. На третьей и четвертой неделе ноября они совершили вооруженные нападения на местные рынки. Отсюда деревенские жители, иногда группами численностью от 5 до 10 тыс. человек, расходились веером по всем направлениям. На востоке они дошли до Шатодена, где призванная к оружию национальная гвардия была бессильна оказать им сопротивление. На севере они достигли Шартра, пройдя 21

ноября через Бру. Однако в Шартре власти получили передышку, дав обещание (и честно исполнив его) вмешаться и обратиться от их имени к Собранию. На северо-западе от Шартра они вновь подняли сельских жителей лесистой местности, откуда ранее началось движение, и вновь установили ослабевший после марта контроль над цепами па рынках в Ла-Лупе, Сенонше, Шато-Нёф-ан-Тимерэ, Верней и Брезоле. Повернув опять на восток через город с рынком Курвиль, второй отряд численностью в 10 тыс. человек появился 1 декабря в Шартре. На этот раз участники бунта были разоружены и рассеяны, так как предупрежденные заранее муниципальные чиновники мобилизовали национальную гвардию и вызвали войска.

Но в других местах волонтеры и национальная гвардия, отнюдь не действуя как сила закона и порядка, присоединялись к восставшим, оказывали им поддержку в распространяли их обращения. В Ла-Фертэ-Бернаре, к северу от Вибрэ, 200 национальных волонтеров находились среди тех, кто приветствовал вторгшихся сельских жителей и помог им снизить цепы на рынке. Отсюда группы восставших направились на запад, в департамент Сарта, где к ним присоединились батальоны национальной гвардии Ле-Мана и Ножан-ле-Ротру. В Ножане бунтующие прикрепляли к шляпам дубовые листья и танцевали вокруг «дерева свободы» с криками «Да здравствует нация!», «Цена на пшеницу понижена!». Вместе со своими новыми союзниками они были в состоянии терроризировать местные власти во многих городках и подчинить их себе. В Шато-дю-Луаре они даже убедили их снизить цену на зерно на соседнем рынке. Движение распространялось дальше: на север, в департамент Орн, и на юг, в департаменты Луар-и-Шер и Эндр-и-Луара, откуда через Вандом оно распространилось веером вдоль северного берега реки. Блуа и Амбуаз, где не было национальной гвардии, приняли условия бунтовщиков; но из Тура их выгнали так же, как и из расположенных севернее Сабле и Ла-Флеша. В Сабле они оставили в руках войск 200 пленных. И с этого времени (был конец ноября) местные власти, вызывая национальную гвардию из других департаментов, начали одерживать верх. Мелкие вспышки продолжались еще в течение нескольких недель, но в целом движение утратило силу, и в начале декабря мир и порядок были восстановлены.

Тем временем Париж переживал кризис и продовольственный бунт иного типа. Как и в провинциях, причиной его было обесценение ассигната; его стоимость в январе 1792 г. составляла 65% стоимости в 1790 г. Однако непосредственной причиной волнений была не цена хлеба или муки, а недостаток сахара и других колониальных товаров, возникший вследствие гражданской войны, вспыхнувшей в Вест-Индии между плантаторами и местным населением. В январе цена сахара почти утроилась, за несколько дней она повысилась с 22-25 су за фунт до 3-3,5 ливра. Бунты вспыхнули в предместьях Сент-Антуап, Сен-Марсель и Сен-Дени и в центральных торговых районах. Бунтующие, полагая (с некоторым основанием), что истинной причиной недостатка сахара было придерживание купцами поставок в расчете на более высокие цены и что беспорядки в колониях были в такой же мере предлогом, как и причиной, ворвались в лавки и склады некоторых крупных оптовых поставщиков и торговцев и потребовали, чтобы сахар продавался по прежней цене; в некоторых районах они потребовали снизить цены на хлеб, мясо, вино и другие товары. Волнения начались 20 января в секции Бобур с бунта, поднятого женщинами на рынке, и через несколько дней распространились на Сент-Антуанское предместье, где нескольких бакалейщиков заставили продавать сахар по низкой цене. Вторая волна бунтов поднялась в феврале. 14 февраля на одной только улице Сент-Антуанского предместья более чем 20 бакалейщикам грозили захватом их лавок, и многие из них были вынуждены продавать сахар по 20 су за фунт, прежде чем порядок был восстановлен. В тот же день в предместье Сен-Марсель прошел слух, что большие запасы сахара, долго накопившиеся в одном складе, будут распределены по всему Парижу. Толпы захватили первые грузы сахара, отправленные под военной охраной, и распродали их на улице по цене 25-30 су за фунт. На следующий день женщины ударили в колокол церкви Сен-Марсель и были предприняты попытки взломать двери склада. На место происшествия прибыл мэр Петион с большим военным отрядом, который рассеял бунтующих, а 14 человек отправил в тюрьму Консьержори. Последние вызвали к себе общественное сочувствие, и петицию об их освобождении, направленную в Собрание, подписали 150 жителей квартала; все они были выборщиками, и двое из них - духовными лицами⁶.

Это было первое в столице значительное движение в пользу народной таксации со времени волнений 1775 г. Но его намного превзошли волнения, вспыхнувшие по той же причине в феврале 1793 г.⁷ Цепы, упавшие летом и осенью, вновь повысились после Нового года. В феврале цена на сахар вновь удвоилась, а цена на кофе поднялась с 34 до 40 су, на мыло - с 12 до 23-28 су и на сальные свечи - с 15 до 18,5-20 су. Следствием этого явился взрыв народного гнева, гораздо более сильный, чем сахарные бунты предыдущего года. Возмущение охватило почти все 48 парижских секций, и оно яснее, чем какое-либо другое революционное событие, подчеркнуло основное противоречие интересов простого народа и имущих классов, включая демократов, выступавших и

рукоплескавших речам в Якобинском клубе или сидевших вместе с Горой на верхних скамьях Собрания. 23 февраля в Конвент явились две депутации женщин; одна из них (во главе с прачками) жаловалась на цену на мыло. Через два дня вспыхнули бунты. Начались захваты всех бакалейных и свечных лавок и принудительное снижение цен до уровня, продиктованного восставшими. Чаще всего сахар-рафинад продавали по цене 18-25 су, простой сахар - 10-12 су, сальные свечи-12 су, мыло - 10-12 су и кофе - 20 су. Начавшись в 10 часов утра в центральном торговом квартале, движение с удивительной быстротой охватило все районы города. Распространяясь на восток, оно достигло ратуши вскоре после 10 часов, бывшей Королевской площади - в полдень, секции арсенала - в два часа дня, секции Прав человека - в три часа, секции Кенз-Вен в Сент-Антуанском предместье - между тремя и четырьмя часами, секций Монрей и Марэ - в четыре часа. Тем временем, распространяясь на север, оно достигло секции Друзей отечества в два часа тридцать минут и секций Бонди и Мон-Блан - в пять часов. На западе оно охватило секцию Французской гвардии в два часа двадцать минут, секцию Лувр - в четыре часа, секцию Пале-Рояль - в семь часов, секцию Тюильри - в восемь часов и секцию Республики (называвшуюся так ранее, а теперь - Руль) - в десять часов вечера. Из секции Тюильри движение, по-видимому, перебросилось на другой берег реки, так как между восемью и девятью часами вечера волнения возникли на левом берегу в секции Гренельского фонтана. На следующий день в ряде секций возникли мелкие вспышки волнений. В них участвовали рыночные торговки из центра и прачки с улицы Бьевр предместья Сен-Марсель. Командующий национальной гвардией Сантер, находившийся 25 числа в Версале, рано утром мобилизовал свои силы и положил конец движению. Это была далеко не последняя крупная волна продовольственных бунтов во время революции. Подобные волнения возникали, хотя и в меньшем масштабе, в Париже и в других местах осенью 1794 г., а в 1795 г., когда в провинциях был почти голод, продовольственные бунты и социальные конфликты достигли такой силы, которая едва ли наблюдалась в 1789 г.⁸ Но эти события 1792 и 1793 гг. послужат нам, как и многие другие, иллюстрацией размеров и характера продовольственных волнений революционного периода. Были ли они лишь повторением при изменившихся обстоятельствах прежних волнений XVIII в., таких, как волнения 1775 г., или они имели новую отправную точку? И если имели, то какую?

Несомненно, что форма и внешнее проявление этих бунтов и выбор ими жертв были такими же, как двадцать лет назад. Распространение волнения в провинции Бос хотя и не было вполне идентичным, но очень напоминало волнения 1775 г. Состав участников был такой же: среди 62 арестованных за участие в бунте в департаменте Сена-и-Уаза и 117 - в департаменте Эр были бедняки крестьяне, поденщики и деревенские ремесленники, и среди них находилось несколько арендаторов, священников и деревенских землевладельцев⁹. Кроме того, систематическое принудительное установление контроля цен во время бунта и в Париже и в Босе отвечало традиции народной таксации при старом порядке во Франции. В этом смысле продовольственный бунт времен революции был консервативным и традиционным средством, которое, продолжая древний обычай, было обращено скорее назад, а не вперед и радикально не отличалось от бунтов прошлого. Участники этих бунтов одинаково верили, что их дело не только правое, но и санкционировано властями. В Вибрэ в ноябре 1792 г. восставшие настаивали на проведении в жизнь декрета Конвента¹⁰ почти так же, как в 1775 г. бунтовщики были убеждены в личном вмешательстве короля, чтобы цена на пшеницу и хлеб была снижена.

Тем не менее, хотя преемственность формы выступлений, характера и поведения бунтующих поразительна, достаточно очевидно, что политический климат и умонастроение народа сильно изменились после 1789 г. Во время волнений 1775 г. не отмечалось особой враждебности к двору и знати. К королю относились с почтением, а сеньор попадал в число жертв только в том случае, если он имел доступный избыток зерна. В Босе в 1792 г. главной мишенью все еще были крупные арендаторы и землевладельцы, так же хорошо там известные, как в Иль-де-Франсе, Бове и Бри. Революция обострила, а не сгладила антагонизм между крупными производителями и мелкими потребителями. Свидетельств особой враждебности к деревенскому дворянству существует мало: был разрушен только один замок, и слово «аристократ», так часто произносившееся во время бунтов, относилось прежде всего к новым богачам в крестьянской и городской общинах. Однако существовали политические, «патриотические» и антироялистские подводные течения и сопутствующие явления (особенно во время волнений в ноябре 1792 г.), которые совершенно отсутствовали в волнениях прошлого. Переходившие с места на место группы маршировали под крики «Да здравствует нация!» и объявляли сельским и городским жителям, что они их «братья и освободители». В Блуа участники этих групп разорвали знамена национальной гвардии, на которых были изображены королевские лилии, а близ замка Менар сбросили статую Людовика XV. В Амбуазе они провозгласили лозунг: «Долой умеренных, роялистов и администраторов, врагов народа и да здравствуют санкюлоты!»¹¹ Так, отголоски 1789 г. и, более того, патриотическая война и движение санкюлотов 1792 г. придавали особую остроту бунтам, основные цели которых все еще оставались целями городской и деревенской бедноты при старом порядке.

В Париже бунты 1793 г. против бакалейщиков также имели по меньшей мере политический оттенок. Нельзя сказать, чтобы происхождением своим они были обязаны, как и бунты в провинции Бос, тайной клерикальной или аристократической интриге. В обоих случаях критика, направленная против участников бунтов, будь то в Парижском городском совете, в Якобинском клубе или среди партий Конвента, с готовностью приписывала их действия контрреволюционному заговору. Хотя Робеспьер и отказался осудить убийц Симоно в Этампе, он выразил удивление, что парижане могли быть настолько введены в заблуждение, чтобы взбунтоваться из-за «жалких бакалейных товаров». Барер неясно высказался о «коварных подстрекательствах переодетых аристократов» и в доказательство своего мнения указал, что такие «предметы роскоши», как сахар и кофе, едва ли могли быть причиной народного гнева. Эти предположения были далеки от существа дела, хотя и казались достаточно разумными людям, уверенным в наличии «аристократического заговора», или тем, кому всякое вмешательство в свободную торговлю продовольствием представлялось отрицанием «свобод», провозглашенных революцией. Но некоторые критики были ближе к истине, когда винили в беспорядках в Париже Жака Ру, «красного священника» из секции Гравилье и его сторонников - «бешеных», единственную политическую группу в столице, которая открыто одобряла регулирование цен и снабжения. Ру был членом Городского совета и утром 25 февраля произнес речь в защиту участников бунта. Более того, в секции Ру начались волнения. Из этого легко можно было заключить, что он не только инспирировал бунты, но и подстрекал к ним и играл в руководстве ими активную роль. Французский историк Матьез поддерживает эту точку зрения. Фактически трудно установить на основании документов какую-либо прямую связь между Жаком Ру и бунтовщиками. Однако весьма вероятно, что мнения, высказанные им и его сторонниками, должны были вызвать активную реакцию среди рабочих рынка, ремесленников и лавочников в секции, где он жил и работал¹².

Быть может, гораздо важнее то, что эти движения добивались значительного успеха и, несмотря на все свои связи с прошлым, способствовали возникновению чего-то нового. Таким новым был закон о всеобщем максимуме от 29 сентября 1793 г. Установив потолок цен на большинство предметов первой необходимости (включая заработную плату), он пошел гораздо дальше, чем частичное регулирование цен при старом порядке. Максимум, существовавший в ослабленной форме пятнадцать месяцев, имел долгую подготовительную историю. Он был результатом идей горстки памфлетистов, народного давления и необходимости военного времени; из них два последних обстоятельства были несравненно более важными, чем первое. В 1789 г. во многих наказах предлагалось построить муниципальные зернохранилища и устанавливать заработную плату в зависимости от цены на хлеб. В 1790 г. два парижских памфлетиста Рютледж и де Шайон предложили государственное регулирование цен на зерно и муку. В Лионе муниципальный чиновник Ланж настаивал на том, чтобы государство скупило по твердым ценам весь урожай и для его хранения построило 3 тыс. зерноскладов. В Орлеане Табуро призывал к введению максимума, а Верньо поддерживал идею создания сети государственных пекарен, строгого контроля цен, основанных на скользящей шкале, и надзора над всеми булочниками и мельниками. Нечто в этом роде возникло в Лионе, когда его недолговечная радикальная Коммуна весной 1793 г. муниципализировала снабжение города хлебом (то есть передала его в ведение муниципалитета)¹³. Под воздействием волнений 1792 г. некоторые местные власти, включая власти Орлеана и Тура, предлагали установить потолок цен на зерно; по большинство твердо держалось мнения, что благосостояние возможно только при свободном рынке. Таково, как правило, было и мнение Собрания. Учредительное собрание своими декретами от 29 августа и 18 сентября 1789 г. отменило старые регулирующие торговлю постановления и восстановило (даже более полно, чем Тюрго в 1774 г.) свободу торговли зерном и мукой. В сентябре 1792 г., после первой волны бунтов этого года, Конвент согласился восстановить старые регулирующие постановления, но отказался рассмотреть вопрос о всеобщем контроле цен.

Однако тем временем нужды войны, а также требования мелких потребителей заставили якобинцев изменить свои взгляды прежде, чем они пришли врасплох 4 мая Собрание, следуя примеру Парижской коммуны, установило максимум для цены на хлеб и муку. Но это был только первый шаг. Эта мера так же не удовлетворила мелких потребителей и их представителей, как и не помогла разрешить становившиеся все более срочными проблемы военных поставок. Участники бунтов 1792 и 1793 гг., в отличие от бунтовавших в 1775 г., уже расширили свое требование «таксации» далеко за пределы установления цен на предметы первой необходимости - пшеницу, хлеб и муку. В Париже они заставили установить контроль цен на сахар, мыло, кофе, свечи, мясо и вино, а в провинции - на овес, мыло, масло, яйца и даже на деревянные башмаки, лес, уголь и железо. Тем временем цены продолжали расти, а стоимость ассигната - падать, с 36% его номинальной стоимости в июне она упала в августе до 22%. В том же месяце Конвент принял декрет о массовом ополчении, согласно которому к оружию призывалось три четверти миллиона

человек. Жак Ру и его «бешеные» с января вели кампанию за введение общего максимума, и в начале сентября их призыв был подхвачен почти всеми парижскими секциями. Максимум громко требовала многолюдная демонстрация санкюлотов, сопровождавшая 5 сентября Эбера и других муниципальных вождей в Конвент для предъявления их требований. Наконец три недели спустя под тройным давлением - доводов, необходимости и бунта - Конвент уступил и временно отказался от своих либеральных принципов и путем всеобщего максимума начал проведение далеко идущей программы экономического контроля.

Хотя максимум был сравнительно недолговечным, он представлял собою важную стадию между ограниченным регулированием при старом порядке и всеобъемлющим государственным руководством экономикой в будущем. Этому способствовали санкюлоты - как в силу инстинкта и опыта, так и благодаря усвоенным ими новым политическим принципам. В этом смысле продовольственные бунты времен революции, хотя в их основе и лежали традиционные образцы, и они провозглашали традиционные требования, тем не менее, если их рассматривать в перспективе, равно как и в ретроспективе, обнаруживают определенное развитие и историческое значение, далеко превосходившие бунты прошлого.

Ссылки на источники

1. См. мою работу «The Crowd in the French Revolution», p.31, 42-43, 63, 200-209.
2. Rose R. B. 18th-Century Price-Riots, the French Revolution and the Jacobin Maximum, *International Review of Social History*, III, (1969), 432-445.
3. О ценах на продовольствие и о заработной плате в Париже в 1789 г. см. мою статью «Prices, Wages and Popular Movements in Paris during the French Revolution», *Economic History Review*, VI, 3 (1954), 246-267.
4. Mathiez A. La vie chere et le mouvement social sous la Terreur (Paris, 1927), p.50-109.
5. Mathiez A., Ibid., p.62-66, 103-106; Vovelle M. Les taxations populaires de fevrier-mars et novembre-decembre 1792 dans la Beauce et sur ses confins, *Memoirs et documents*, XIII (Paris, 1958), 107-159.
6. См.: «The Crowd in the French Revolution», p.95-98.
7. Ibid., p. 1M-118. Для более полного ознакомления см. мою статью: «Les emeutes des 25, 26 fevrier 1793 a Paris», *Annales historiques de la Revolution francaise*, Jan.-March 1953, p.303-357.
8. О голоде, продовольственной проблеме и волнениях 1795 г. и в начале 1796 г. см. статьи Ричарда Кобба: «Les disettes de l'an II et de l'an III dans le district de Mantes et la vallee de la Basse Seine», *Memoires de la Federation des societes historiqu.es et archeologiques de Paris et de l'Ile-de-Franee*, vol. III, Paris, 1954, p.227- 251; «Problemes de subsistances de l'an II et de l'an III. L'exemple d'un petit port normand: Honfleur», *Actes du 81^e Congres des societes savantes, Rouen-Caen*, 1956 (Paris, 1956), p. 295-335; «Les journees de germinal an II dans la zone de ravitaillement de Paris», *Annales de Normandie*, nos.3-4. Oct.-Dec. 1955, p.233-260; «Une emeute de la faim dans la banlieue rouennaise: les journees des 13, 14 et 15 germinal an II a Sotteville-les-Rouen», *ibid.*, 2, May 1956, p.151- 157; «Disette et mortalite: la crise de l'an III et de l'an IV a Rouen», *ibid.*, nos.3-4, Oct.-Dec. 1056, p.267-2911.
9. Vovelle. Op. cit, p. 139-140.
10. Ibid., p.137.
11. Ibid., p.153, 157-158.
12. Mathiez. Op. cit, p. 139-161. См. мою статью, указанную в прим. 7, с.53-54.
13. Rose R. B. The French Revolution and the Grain Supply, *Bulletin of the John Rylands Library*, XXXIX, i (Sept. 1956), 171-187.

3. Трудовые конфликты

Накануне революции Франция была второй после Англии промышленной страной. Со времен Кольбера появились крупные мануфактуры, находившиеся под покровительством государства. Построенные по английскому образцу металлургические заводы Крезо имели акционерный капитал в 10 млн. ливров. На шахтах горной компании в Анзене было занято 4 тыс. рабочих, и к 1791 г. там имелось двенадцать паровых двигателей, поставленных Бултоном и Ваттом. Французская текстильная промышленность соперничала с английской. 60 тыс. рабочих были заняты на мануфактурах Руана и Лилля, 20 тыс. - в Эльбефе и 14 тыс. - в Седане. В Абевиле только на принадлежавших Ван Робе фабриках было занято 12 тыс. рабочих; в Лионе, крупном центре шелкоткацкого производства, жили и работали 58 тыс. шелкоторговцев, рабочих и подмастерьев. Даже в Париже, где были развиты преимущественно мелкие ремесла, в 1791 г. насчитывалось пятьдесят мануфактур, в которых работало от 100 до 800 рабочих в каждой.

Однако во Франции еще не начался промышленный переворот, как в Англии. Механизация находилась в стадии младенчества, не было фабричных городов и современного фабричного населения. Помимо железоплавильных, шахт, строительных площадок и городских мануфактур (являвшихся модификацией работы на дому), в промышленности были главным образом заняты работавшие на дому ткачи и прядильщики или ремесленные мастера со своими подмастерьями в мелких средневекового типа городских мастерских. В них, за исключением некоторых «свободных» или «открытых» районов (как Лион и частично Париж), число рабочих строго регулировалось гильдиями. Подмастерье часто жил в доме своего хозяина, ел с ним за одним столом и даже (хотя в 1789 г. редко) женился на его дочери или вдове. Поэтому между хозяином и работником часто не существовало четкого различия. Имелись сезонные строительные рабочие и горняки, которые по окончании сезона возвращались на фермы; существовали лионские мастера и орлеанские мастера, «работавшие сдельно», и были подмастерья, стремившиеся стать мастерами или даже, оставаясь подмастерьями, сами пользовавшиеся наемным трудом. Вследствие этого работавшие по найму отличались слабым самосознанием и не отдавали себе отчета в том, что они представляют собою отдельный общественный класс; неудивительно, что только в немногих наказах, составленных в канун революции наемными рабочими, содержатся требования, отличающиеся от требований их хозяев!

И все же рабочий все острее и лучше сознавал свое экономическое положение. Старая средневековая гильдия, некогда созданная для защиты всех своих членов, занимающихся данным ремеслом, пришла в упадок. Она перестала защищать подмастерьев, все больше низводившихся к положению наемных рабочих, не имевших почти никаких шансов стать когда-нибудь мастерами. Многие мелкие мастера в свою очередь обнаружили, что их материальные интересы все более расходятся с интересами купца, владельца мануфактуры, который доставлял им работу и сдельно оплачивал их и занятых у них рабочих. Лишенные покровительства гильдии подмастерья искали прибежища в собственных ассоциациях, создаваемых для защиты своих интересов (компаньонажи). Наиболее известные из них - «Devoirs de Liberte» («Союз свободы») и «Compagnons du Devoir» («Союз подмастерьев»), обычно называвшиеся просто «Gavots» и «Devorants», - организовывали плотников и строительных рабочих, странствовавших по Франции, вели переговоры о заработной плате, находили рабочие места и иногда руководили стачками. Фактически стачки учащались по мере того, как на протяжении всего столетия рост цен постепенно обгонял рост заработной платы; по стачки редко достигали масштабов продовольственных бунтов. Приведем некоторые примеры: в 1724 г. стачка вязальщиков чулок, связанная с вопросом о заработной плате, была прервана из-за ареста вожаков. В 1737 г. в Париже ткачи-подмастерья забастовали, протестуя против новых правил, затруднявших получение звания мастера. В 1750 г. в Ангулеме рабочие-бумажники бастовали четыре месяца, требуя повышения заработной платы. В Париже шляпники вступали в конфликты с работодателями в 1749 и в 1765 гг. и вновь в июне 1789 г. в связи с соперничеством ассоциаций подмастерьев. В 1776 г. в Париже провели всеобщую забастовку переплетчики, требуя 14-часового рабочего дня. Наиболее крупным конфликтом в столице до революции была стачка 1786 г., в которой одновременно участвовали плотники, кузнецы, слесари, пекари и каменщики. В том же году грузчики и возчики, бастуя в знак протеста против монополии, установленной соперничавшими с ними фаворитами двора, двинулись в Версаль для подачи петиции королю. Но из всех этих конфликтов наиболее энергичными и ожесточенными были не стачки рабочих или подмастерьев, а выступления лионских мастеров против торговцев шелком в 1744, 1779 и 1788 гг. Последние два выступления приняли характер восстаний, выступление 1788 г. имело исключительный результат: в 1789 г. торговцев фактически изгнали из избирательных собраний гильдии и очистили поле действия для мастеров, получивших возможность продиктовать указы представителям шелковой промышленности².

Кроме забастовок в Лионе, переросших в восстания, эти конфликты почти не сопровождались насилиями или кровопролитием. Это кажется тем более удивительным, если вспомнить, что происходило в это же время у горняков, грузчиков угля и ткачей в Англии. Правда, некоторые французы, как и англичане, ожесточенно сопротивлялись техническим новшествам, которые, как им казалось, грозили лишить их средств к жизни. В наказах и петициях 1789 г. содержатся многочисленные требования мастеров и подмастерьев, иногда даже купцов, «полностью уничтожить» новые механические устройства, многие из которых (подобно прядильной машине) ввозились из Англии. В Нормандии, где английская конкуренция со времени заключения в 1786 г. договора о свободе торговли вызвала тяжелую безработицу, рабочие перешли от слов к делу. В ноябре 1788 г. в Фалезе прядильщики разбили ткацкие станки. В июле 1789 г. (как раз в день падения Бастилии) машины были уничтожены в Руане, а полгода спустя Артур Юнг в красноречивых выражениях жаловался на полное уничтожение прядильных машин рабочими хлопкопрядильных фабрик Лувье «под влиянием идеи, что применение таких машин противоречит

их интересам»³. Угроза подобных волнений существовала при Наполеоне; они часто возникали при Реставрации и в первые годы правления Луи Филиппа, о них сообщалось даже в 1848 г.⁴ Быть может, поэтому еще более удивительно, что другой (более обычный в Англии) тип «луддизма», названный Хобсбомом «коллективными переговорами посредством бунта», совершенно отсутствовал в этих конфликтах*. Это обстоятельство подчеркивает книготорговец-мемуарист Арди при описании бунтов против Ревейона в апреле 1789 г. (вероятно, не бывших по существу рабочим конфликтом). Отметив ущерб, нанесенный дому и имуществу Ревейона, он добавляет: «Все здание было опустошено, за исключением мастерских и товарного склада»⁵. Если это не простая случайность, то довольно значительное упущение. Но почему это должно было произойти - тайна, которую я не могу разгадать.

Во время революции трудовые конфликты были не такой примечательной особенностью общественной жизни, как продовольственные бунты, но и о них было известно. В Париже происходили довольно значительные выступления рабочих или движения за повышение заработной платы в 1789, 1791 и 1794 гг. Первое, происшедшее в августе-сентябре 1789 г., было не просто движением за повышение заработной платы, так как оно возникло в связи с некоторыми вопросами, непосредственно связанными с революционным кризисом летом того года. Во время этого выступления многие лавки закрылись. Особенно пострадали от первой большой волны эмиграции ремесла по изготовлению предметов роскоши. За первые два месяца после падения Бастилии Неккер выдал 20 тыс. паспортов. Среди рабочих, которых это коснулось, были пекари, парикмахеры, сапожники, аптекари и домашняя прислуга. Движение началось 14 августа, когда безработные подмастерья пекарей, устроив шествие, явились в ратушу просить работы. Им обещали удовлетворить их требования, и они быстро разошлись. 18 августа тысяча подмастерьев-портных собралась у Лувра и потребовала повышения заработной платы на 10 су. Они послали депутацию в ратушу, и позднее им удалось убедить хозяев удовлетворить их требование. Изготовители париков, принадлежавшие, как и слуги, к наиболее явным жертвам кризиса, искали выхода в реорганизации своей биржи труда. Четыре тысячи их собралось на Елисейских полях, где у них произошла стычка с национальной гвардией; но в ратуше их приняли, устроили им встречу с хозяевами и составили новый договор.

Другие рабочие не добились такого успеха. И сапожникам, и аптекарям, требовавшим повышения заработной платы, запретили устраивать собрания, и они были вынуждены отказаться от своих требований. Требования слуг имели отчасти политический, отчасти экономический характер; они были вызваны событиями 1789 г. 400 человек собрались в Пале-Рояле и послали депутацию из 40 представителей просить муниципальные власти предоставить им полные гражданские права, право присутствовать на собраниях районов и вступать в национальную гвардию (и то и другое им запрещалось, поскольку они находились в подчиненном положении) и ввиду безработицы запретить савоярам заниматься их профессией. Их убедили мирно разойтись, и они не осуществили своей угрозы собрать на следующий день на Елисейских полях 40 тыс. человек. Но Коммуна отвергла все их требования. Она проявила мало сочувствия ко всем этим движениям. Приняв 7 августа декрет, запрещавший все «мятежные» собрания, она была склонна строго применять его во всех подобных ситуациях. Первая волна конфликтов не получила большого отклика, но по крайней мере некоторые рабочие поняли, что в вопросах заработной платы и условий труда они не должны ждать от новых властей большего понимания, чем от старых⁶.

Это вновь подтвердилось весной и летом 1791 г., когда были затронуты интересы значительно большей группы рабочих. На этот раз началось движение исключительно за повышение заработной платы, и, так как цены в то время были сравнительно низкими и устойчивыми, вопрос о снабжении продовольствием или о ценах на него не поднимался. Заработная же плата очень мало повысилась с начала революции; хотя в производстве предметов роскоши безработица продолжалась, в других отраслях ощущался недостаток рабочей силы, и момент был удобен для того, чтобы добиваться повышения оплаты труда. Первыми выступили поденно работавшие плотники. В апреле они предъявили хозяевам требование установить минимальную дневную плату в размере 50 су. Это было подготовленное движение, и оно не ограничивалось Парижем. Мы знаем, что в апреле представители «Союза подмастерьев» в Аране-ле-Дюк, департамент Кот д'Ор, отправились в столицу для участия в собрании плотников; и несколько недель спустя парижские плотники призывали орлеанских плотников последовать их примеру⁷. Они получили некоторую поддержку и от демократов из Клуба кордельеров. В зале клуба они собирались, и «Братский союз» плотников (в отличие от «Союза подмастерьев» он был легальной организацией), руководивший их кампанией, фактически был связан с клубом через промежуточную организацию, именованную Центральным комитетом. Марат в своей газете «Друг народа» помещал корреспонденции рабочих и в начале июня опубликовал письмо, якобы написанное 560 строителями рабочими, занятыми на строительстве церкви Сент-Женевьев

(будущий Пантеон); в письме хозяева-строители назывались «невежественными, хищными и ненасытными угнетателями». Имея такую поддержку, плотникам удалось убедить главную массу подрядчиков согласиться на их условия. Но активное меньшинство не согласилось с этим и заявило протест Собранию. Для вынесения третейского решения был созван Совет Коммуны, который, далеко не одобряя рабочих, осудил ассоциацию плотников как незаконную, отверг их предложение об установлении минимальной заработной платы как противоречащее принципу свободы и даже триггерило их в будущее судебное преследование против их вожakov как нарушителей спокойствия. Однако им было разрешено продолжать собираться, хотя мэр Байи приказал строго за ними наблюдать, опасаясь, что примеру плотников могут последовать рабочие других профессий.

И он не ошибся. За движением плотников быстро последовали движения шляпников, типографов и других рабочих. К началу июня развернулось широкое движение, и хозяева кузниц обратились к Собранию с петицией, в которой предупреждали о существовании коалиции 80 тыс. парижских рабочих, куда, по их словам, входили столяры, сапожники, слесари, а также их подмастерья. Хотя эти цифры вполне могли быть преувеличены, Собрание испугалось и заявило, что, помимо угрозы общественному порядку, рабочие посредством своих «коалиций» незаконно восстанавливали гильдии и подобные им недавно распущенные «корпоративные» организации. И Собрание ответило на петиции хозяев кузниц и плотников принятием знаменитого закона Ле Шапелье, объявлявшего незаконным все рабочие коалиции, объединения и профессиональные союзы и грозившего бастующим рабочим судебным преследованием. Примечательно, что не кто иной, как Марат (по совершенно особым причинам), протестовал против такого решения, рабочие согласились с ним, и демократы не выдвинули никаких возражений. Даже во время расцвета якобинской демократии не было сделано попытки отменить этот закон; и он оставался в силе почти сто лет. Это, несомненно, было важнейшим из всех последствий движения плотников, хотя поддержка, оказанная им Клубом кордельеров, имела большое значение. Такие союзы были редки даже во время революции⁸. Рабочее движение 1794 г. имело еще более примечательные результаты, так как сыграло важную роль в событиях, которые привели в термидоре к свержению Робеспьера⁹. Для понимания характера возникшего тогда конфликта нам придется вернуться к сентябрю 1793 г. Именно тогда, как мы отметили в предыдущей главе, Конвент, где господствовали якобинцы, принял закон о всеобщем максимуме. Вспомним, что он предусматривал и потолок цен, и потолок заработной платы. Цены разрешалось поднимать на одну треть по сравнению с ценами в июне 1790 г., а заработную плату - наполовину. Следовательно, теоретически закон был благоприятен для рабочих, ибо заработная плата, как «реальная», так и денежная, была бы повышена; но, разумеется, многое зависело от того, насколько заработная плата уже возросла, и от того, кто должен был осуществлять этот закон. В некоторых районах страны (по крайней мере до июня 1793 г., когда правительство начало расследовать этот вопрос) заработная плата намного отставала от цен, в других - больше повысилась заработная плата; и, вероятно, подобное положение, хотя это и трудно доказать, существовало в Париже. Действительно, один из вожakov якобинцев, Тирион, заявил в начале сентября в Конвенте, что заработная плата парижан поднялась «значительно выше, чем цены на потребительские товары». Даже если это было не совсем так, наемные рабочие, несомненно, значительно выигрывали от вступления в силу закона в течение ближайших месяцев. Вначале постановления, касавшиеся цен на товары, повсюду вводились принудительно, в одних районах строже, чем в других. Производителям, оптовым торговцам и лавочникам, не желавшим подчиниться, местные «революционные» комитеты и комитеты по борьбе со спекуляцией мрачно напоминали о карах за нарушение закона, и для обеспечения снабжения столицы в зерновые районы была послана «революционная армия». Поэтому цена на контролируемые товары снизилась до установленного законом максимума, и инфляция была приостановлена. Действительно, между августом и декабром стоимость ассигната поднялась (по сравнению с 1790 г.) с 22 до 48%.

На этом этапе парижские наемные рабочие, выигравшие, как и все мелкие потребители, от контроля цен, получили двойное преимущество, так как Коммуна, отвечавшая за вступление в действие статьи закона о заработной плате, казалось, не торопилась ее вводить. Так было далеко не везде. Во многих районах Франции, особенно сельскохозяйственных, власти стали поспешно и строго применять закон о заработной плате рабочих и часто проявляли гораздо больше усердия при контроле заработной платы, чем при контроле цен. И правительству порой приходилось вмешиваться, чтобы оградить рабочих от «чрезмерного эгоизма» крупных производителей и их комитетов. Но в Париже, скорее, существовало обратное положение. Париж был крупнейшим центром радикальной народной демократии и обладал своими боевыми традициями. Санкюлоты прочно укрепились в Коммуне и секциях. И среди них люди, работавшие по найму, хотя они и пользовались меньшей политической известностью, чем лавочники и хозяева мастерских, составляли наиболее многочисленную социальную группу. Кроме того, до марта 1794 г. в

Парижской коммуне господствовали Эбер и его сторонники, которые, не сочувствуя открыто движениям за повышение заработной платы**, искали у санкюлотов политической поддержки. Поэтому постановления о заработной плате оставались неосуществленными. В результате, поскольку это был период военной мобилизации и нехватки рабочей силы, заработная плата повысилась и в начале 1794 г. во многих случаях была втрое выше, чем в 1790 г. Однако имелось одно важное исключение. В отношении рабочих, работавших по правительственным контрактам, за проведение в жизнь закона отвечал не Совет Коммуны, а Комитет общественной безопасности; и число этих рабочих, особенно в недавно созданных мастерских по производству оружия и снаряжения, росло с каждым месяцем. Сначала Комитет, стремившийся подать пример, установил для этих рабочих ставки, соответствовавшие постановлениям закона. Кроме того, были приняты строжайшие меры с целью удержать рабочих на их местах и предотвратить в мастерских всякую «мятежную» агитацию, связанную с заработной платой. Но ввиду продолжавшегося недостатка рабочей силы правительство было вынуждено отказаться от своих собственных постановлений. В мае 1794 г. были подписаны новые контракты, позволявшие рабочим, занятым на производстве стрелкового оружия, зарабатывать в четыре раза больше, чем в 1790 г.¹⁰

Но подобное положение не могло продолжаться долго. Помимо того что правительство имело свои собственные проблемы, оно находилось под значительным давлением умеренных политиков и крупных производителей. Облеченное широкими полномочиями заколом от 4 декабря 1793 г., оно постепенно приступило к восстановлению равновесия в пользу производителей, к ограничению деятельности санкюлотов и к разгрому левой «эбертистской» оппозиции. В марте контроль над максимумом на цены был ослаблен и цены на большинство важнейших товаров повысились. На парижских рынках вновь начались волнения. В апреле Эбер и его сторонники были арестованы и казнены, Коммуна «очищена» от оппозиционных элементов и многие народные общества, созданные в секциях санкюлотами, закрыты. И так, были созданы условия для проведения более суровых мероприятий с целью остановить рост заработной платы прежде, чем резко ее понизить в соответствии с законом. 21 апреля, когда депутация рабочих-табачников явилась в ратушу требовать повышения заработной платы, ей в этом отказали, сославшись на закон Ле Шапелье, и пятерых рабочих арестовали. Последовали новые требования повышения заработной платы и стачки штукатуров, пекарей, рабочих свинобоен и портовых рабочих. Коммуна произвела новые аресты и грозила судом рабочим, оставлявшим без разрешения свои рабочие места. В мае все было спокойно, но в июне рабочие-оружейники вновь начали настаивать на своих требованиях. И не только они; мы обнаруживаем, что в это время Барер дал указания прокурору революционного трибунала предавать суду «контрреволюционеров» (Барер очень любил употреблять подобные выражения), подстрекавших рабочих, занятых в производствах ассигнатов, оружия, пороха и серы. К указанным группам рабочих присоединились рабочие других профессий, и в июне-июле повышения заработной платы потребовали строители, гончары и рабочие, занятые по контрактам на разных общественных работах. 7 июля забастовку объявили рабочие-печатники самого Комитета, и трое из них были арестованы.

В разгар всех этих волнений Парижская коммуна решила наконец обнародовать новые ставки заработной платы, действовавшие в столице. Этот злополучный документ буквально повторял закон о всеобщем максимуме и не учитывал последовавшее повышение как цен, так и заработной платы. Он ставил многих рабочих перед перспективой снижения наполовину заработной платы, в то время как цены продолжали расти¹¹. Момент был выбран неудачно, так как политический кризис уже раздирал правительственные комитеты. Через четыре дня после объявления ставок заработной платы Робеспьер и его ближайшие помощники были исключены из Конвента, арестованы и объявлены вне закона и, временно ускользнув от своих преследователей, скрывались у своих друзей в ратуше. В тот же день ратуша была осаждена озлобленными рабочими, протестовавшими против максимума заработной платы; распространился слух, что рабочие восстали «из-за максимума», что они идут к Конвенту и что во время этих беспорядков был убит Робеспьер. Коммуна сделала попытку сманеврировать, возложив вину за установление новых ставок заработной платы на Барера, который после некоторых колебаний присоединился к противникам Робеспьера. Этот маневр не удался. И враждебность рабочих наряду с замешательством и безразличием секций к их делу способствовала той легкости, с какой свергнутых вожakov разоружили и отправили на гильотину. Когда на следующий день советников Коммуны тоже отправили на казнь, рабочие будто бы в знак своего одобрения кричали, когда те проходили мимо: «К черту максимум!»¹²

Из других источников мы знаем, что, по мнению парижских рабочих, устранение Робеспьера и его единомышленников должно было положить конец ненавистному максимуму заработной платы и сделать возможным ее повышение. Какое-то время так и было: новая власть отменила ставки, объявленные 23 июля, и в последовавшей затем прокламации допустила более широкое и гибкое

толкование закона. После этого рабочие вернулись в мастерские. Но новые правители позаботились и о том, чтобы восстановить свободный рынок; и, когда цены повысились, реальная заработная плата стала быстро уменьшаться. В ноябре рабочие-оружейники вновь выдвинули свои требования, и на этот раз Конвент, далеко не склонный идти на уступки, приказал закрыть государственные мастерские. Вскоре после этого инфляция возобновилась. Рабочие-оружейники прекратили борьбу за повышение заработной платы и присоединились к другим санкюлотам, противившимся пагубному повышению цен. Таким образом, преобладающее значение вновь приобрел продовольственный бунт, а не стачка.

Весной и летом 1794 г. существовало сильное движение за повышение заработной платы. Оно было более мощным и распространенным, чем любое другое движение во время революции, и в течение нескольких месяцев привлекло к себе внимание рабочих гораздо больше, чем продовольственные бунты или другие формы социального протеста; и не находясь на периферии политических событий (как находились прежние движения), оно содействовало свержению стоявшего у власти правительства. Но означало ли это начало нового и важного этапа в отношениях между капиталом и трудом? Французский историк Даниэль Герен думает, что да. Он пишет: «Массовое движение приняло современную форму. Прежде чем буржуазия уничтожила последние следы старого порядка, на авансцену выступила классовая борьба между хозяевами и наемными рабочими»¹³. На первый взгляд эта точка зрения может показаться обоснованной. Если мы станем рассматривать события 1794 г. в отрыве от других, нам придется признать, что отныне рабочие были больше заинтересованы в том, чтобы свести счеты с хозяевами, а не с торговцами и производителями, и что вопросом первостепенной важности являлась для них заработная плата, а не цены, и что на переднем плане социальной борьбы был уже не продовольственный бунт, а стачка. Однако подобная точка зрения обманчива. Она не учитывает в достаточной мере исключительные обстоятельства, существовавшие весной и летом 1794 г., в чрезвычайно благоприятное время для выдвижения требований о повышении заработной платы. Рабочей силы не хватало, безработицы совсем или почти не было, цены хотя и росли, но стремительной инфляции не наблюдалось, и рабочие мелких мастерских (среди наиболее активных парижских санкюлотов) образовывали более крупные объединения, насчитывавшие 200 и более человек. Ни один из этих факторов не действовал после декабря 1794г. И когда инфляция и безработица возобновились, рабочие отказались от забастовки и вновь прибегли к традиционной и более знакомой форме социального протеста.

Фактически трудовые конфликты и движения за повышение заработной платы следовали общему образцу движений, возникавших при старом порядке. Они могли быть более распространенными и более длительными; иногда, как в 1791 и 1794 гг., они были связаны с борьбой соперничающих партий. Они могли, как в 1794 г., иметь важные политические последствия, но, как и более ранние движения, обычно возникали во времена устойчивых цен, а когда цены резко повышались, перерастали в продовольственные бунты. Они, разумеется, не были более ожесточенными, и отношения между капиталом и трудом, по существу, не изменялись. Но это не значит, что никаких перемен не происходило и что на будущее не были извлечены важные уроки. Наемные рабочие, как и все, прониклись новыми зажигательными идеями революции и были вдохновлены ими. Несмотря на все уловки и оговорки адвокатов, революционеры (и наиболее решительно якобинцы) провозгласили общие права человека, равенство и достоинство человеческого труда. Эти идеи, проникшие в сознание, не забываются, и в будущем они должны были привести к появлению более настоятельных требований, предъявляемых трудом капиталу. В Англии, где новые идеи получили меньшее распространение и где уже происходил промышленный переворот, отношения между предпринимателем и рабочим вступили в такую фазу развития. Франция же приобретет подобный опыт, причем значительно более сложным путем, в 30-е и 40-е гг. XIX в.

Ссылки на источники

1. См. мою работу: «The Parisian Wage-Earning Population and the Insurrectionary Movements of 1789-1791» (неопубликованная докторская диссертация в 2-х тт., London, University, 1950), I, 111- 33.
2. Ibid., I, 16-20. См. также мою статью: «Les ouvriers parisiens, dans la Revolution Francaise», *La Pensee*, June-Sept. 1953, p.108 ff,
3. «The Parisian Wage-Earning Population», I, 26-27; *Sohmidt C.* La crise industrielle de 1788 en France, *Revue Historique* XCVII (1908), 86; *Manuel F. E.* The Luddite Movement in France, *Journal of Modern History*, X, (1938), 183; *Young Arthur.* Travels in France and Italy (Everyman Library, London, 1015), p.134.
4. *Manuel Op. cit.*, p.183-211; *Amann P.* The Changing Outlines of 1848. *American Historical Review*, LXVIII (1963), 941.

5. *Lotte Sophie A.* «I sansculotti; una discussione tra storici marxisti», *Critica Storica*, I (1962), 387-391.
6. *Hardy S.* Mes Loisirs ou journal d'evenements tels qu'ils parviennent a ma connaissance (MS. in 8 vols. Paris. 1764-1789. Bibliotheque Nationale, fonds francais, nos. 6680-6687), VIII, 434, 438-439 455; *Jaffe Grace M.* Le mouvement ouvrier a Paris pendant la Revolution francaise (1789-1791) (Paris, 1927), p.65-73.
7. *Lacroix S.* Actes de la Commune de Paris pendant la Revolution francaise, 2-de series (8 vols. Paris, 1900-1914), III, 700; *Lefebvre G.* Urban society in the Orleanais in the late Eighteenth Century, Past and Present, April 1061, p.618.
8. *Jaffe.* Op. cit. Part II; *Lacroix*, Loc. cit.; The Parisian Wage-Earning Population, I, 178-185.
9. Относительно последующего см. мою работу: Die Arbeiter und die Revolutionsregierung в *Markov W.* (ed.), Maximilien Robespierre 1758-1794 (Berlin, 1958), p.301-322.
10. *Richard C.* Le Comite de Salut publique et les fabrications de guerre sous la Terreur (Paris, 1922), p.699-709, 720.
11. *Rude G.* et *Soboul A.* Le maximum des salaires parisiens et le 9 thermidor. Annales historiques de la Revolution francaise, Jan.-March 1954, p. 1-22.
12. *Aulard A.* Paris pendant la reaction thermidorienne (5 vols. Paris, 1898-1902), I. II.
13. *Guerin D.* La Lutte de classes sous la premiere Republique (1793-1797), (2 vols. Paris, 1946), II, 155.

Примечания переводчика

* В качестве раннего примера Манюэль приводит Бордо, где в 1511 г. бастовавшие землекопы, требовавшие повышения заработной платы, разбили насос (Manuel F. E. The Luddite Movement in France. *Journal of Modern History*, X (1938), 180, n.3).

** Так, во время «народного восстания» 4 сентября 1793 г. национальной гвардии было приказано рассеять демонстрацию строительных рабочих, требовавших хлеба и повышения заработной платы.